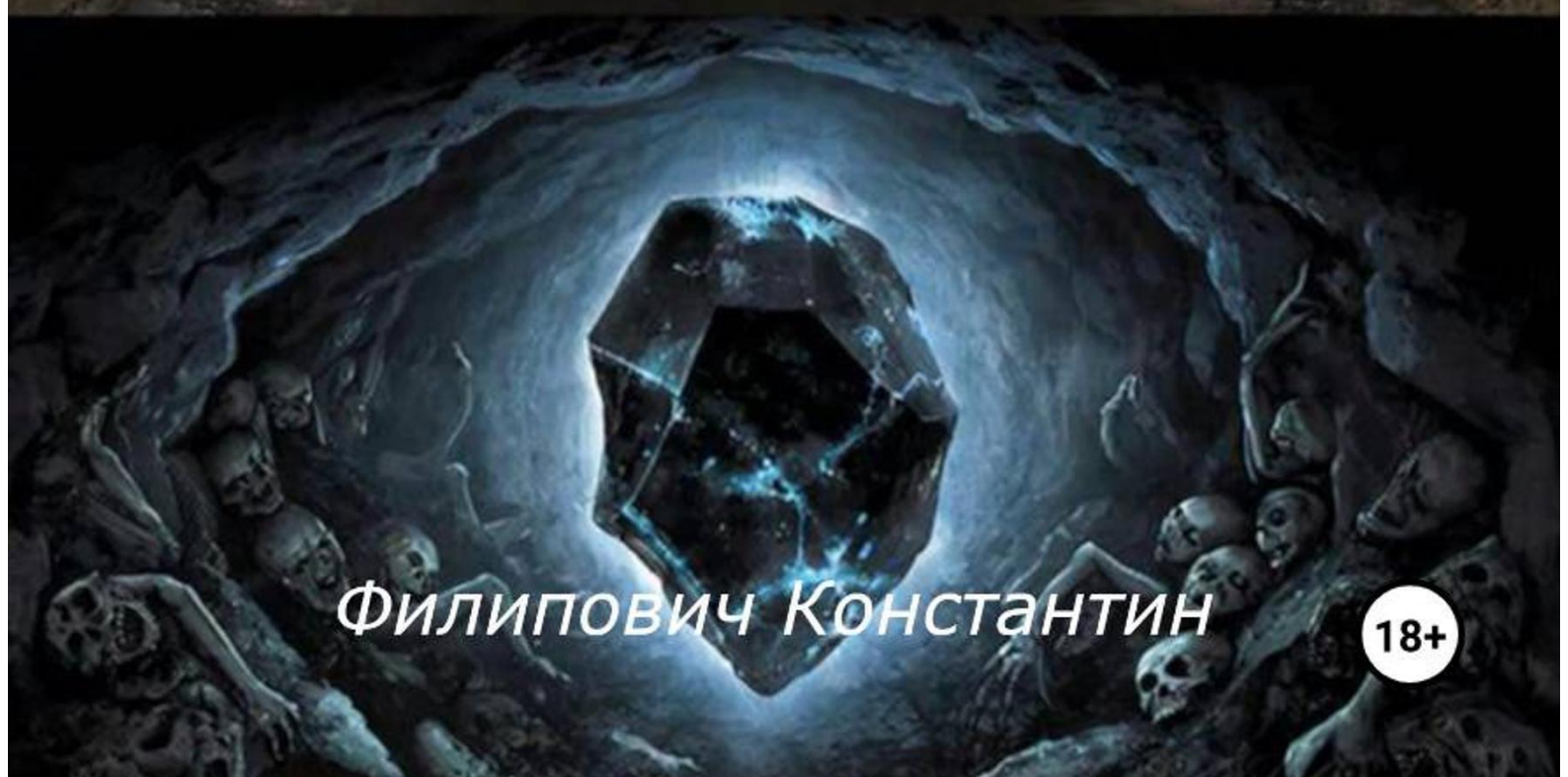

ЭФФЕКТ ИГОРЯ

КАТАКОМБЫ ПРОКЛЯТОГО
МОНАСТЫРЯ

Филипович Константин

18+

Эффект Игоря

Константин Филипович

**Эффект Игоря. Катакомбы
проклятого монастыря**

«Автор»

2026

Филипович К. В.

Эффект Игоря. Катакомбы проклятого монастыря /
К. В. Филипович — «Автор», 2026 — (Эффект Игоря)

Он умел строить ледяные стены, спасаясь от боли. Она прятала эмоции за броней фактов и протоколов. Но когда реальность трещит по швам, единственное оружие против древнего ужаса — хрупкая человеческая связь. Глубоко под руинами монастыря пробуждается «Голод» — дитя боли бесчисленных жертв, питающееся страхом. Оператор Игорь, чья психика закалена личными демонами, и нейропсихолог Екатерина, чей ум видит природу аномалии, оказываются на острие атаки. Секретный протокол «Огранка», призванный подчинить силу, оборачивается катастрофой. «Голод» впитывает логику создателей, растет и множится. Лагерь охвачен паникой, солдаты становятся марионетками, ставка — существование реальности. В сердце костяного лабиринта, перед безликой пустотой, Игорь и Екатерина должны сделать выбор: остаться в плену страхов или разрушить стены между ними. Победить абсолютное «Нет» можно только настоящим, осознанным «Да». Даже если оно станет последним.

© Филипович К. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИГОРЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАПИСИ В КАМНЕ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Константин Филипович

Эффект Игоря. Катакомбы

проклятого монастыря

ПРОЛОГ. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ ИГОРЯ

Жизнь Игоря началась с тишины. Не той, что сулит покой, а с густой, синей тишины удушья, когда пуповина, словно змея, сжала его шею в первом объятии мира. Врачи вытащили его обратно, вдохнули жизнь в посиневшее тельце. Но бабушка, приехавшая из глухой деревни, качала головой и шептала матери: «Он заглянул туда. На ту сторону. Такие дети... они никогда уже полностью здесь не бывают».

Рос он на краю деревни, в старом доме, где скрипели половицы и гуляли сквозняки. Сверстников не было. Его главными собеседниками были ветер в проводах да тени в углах длинного коридора. Родители, замученные бедностью и взаимным разочарованием, вели нескончаемую войну. Их ссоры были как буря — оглушительные раскаты проклятий, сменяющиеся ледяным молчанием. Игорь научился распознавать их начало по первым, еще приглушенным голосам за стеной. И как только атмосфера в доме сгущалась до предгрозового состояния, он тихонько выскальзывал за дверь.

Его спасением стала природа. Он уходил в лес, что темнел за огородами, или в степь, раскинувшуюся до самого горизонта. Там, среди шороха листвы, жужжания насекомых и криков далеких птиц, его душа обретала покой. Он мог часами сидеть на краю оврага, наблюдая, как бегут по дну талые воды, или лежать в высокой траве, уставившись в бесконечное небо,

растворяясь в нем. В лесу он не чувствовал того ледяющего присутствия, что преследовало его дома. Здесь деревья были просто деревьями, а тени — лишь следствием солнца. Степь же, с ее открытым всем ветрам пространством, дарила ему чувство свободы и чистоты. Он разговаривал с рекой, шептался с полевыми цветами, слушал древние истории, которые, как ему казалось, рассказывали камни. Это были его единственные, самые честные и безмолвные друзья.

Но возвращаться приходилось всегда. И снова — сдавленный воздух дома, крики, хлопанье дверей. Сначала он плакал в подушку, не понимая, почему самые родные люди причиняют друг другу такую боль и, как ему казалось, ему тоже. В его детской логике родительская ярость друг на друга автоматически означала, что и его они терпят лишь по необходимости, что места для любви к нему в их сердцах, заполненных ненавистью, просто нет. Эта мысль жгла изнутри, была невыносимой.

И тогда он принял решение. Если любовь приносит такую боль, если чувства делают тебя уязвимым, то от них нужно отказаться. Он начал строить внутри себя крепость. Кирпичик за кирпичиком — подавленная обида, замороженные слезы, запрет на желание быть обнятым и услышанным. Он учился не чувствовать. Смотреть на ссоры родителей отстраненно, как на дурной спектакль. Делать лицо каменным, когда в школе дразнили «тихоней» или «придурком». Он дал себе детскую, но страшную клятву: никогда и никого не любить. Не давать этой душевной ране, этой жажде тепла, ни малейшего шанса. Заточить себя в ледяную скорлупу равнодушия. Только так можно было выжить. Только так не будет больно.

Заточить в себе чувства получалось лишь отчасти. Они находили выход в другом. Чтобы уйти от них, он забивался под одеяло с головой, стараясь дышать тише, стать невидимкой. Он научился уходить в себя, в тот тихий внутренний мир, похожий на его лесную поляну, куда не долетали голоса родителей.

Сны пришли рано. Не просто сны — живые, панорамные миры. Он гулял по несуществующим городам, летал над лесами из стекла. Но однажды приснился иной сон. Он стоял в своей комнате, а из-за печки, холодной и черной, медленно выползала тень, похожая на спутанный клубок ниток. Она тянулась к нему, не имея ни глаз, ни рта, но Игорь знал — она видит его. Он проснулся с криком, но крик застрял в горле. Он не мог пошевелиться. На груди давила невидимая гиря, а в углу комнаты, в самом густом мраке, стояло Оно. Существо, которого не было видно, но присутствие которого было осязаемо, как зубная боль. Оно просто смотрело. С холодным, безразличным интересом. Этот взгляд был странно знаком — таким же, каким он сам пытался смотреть на мир.

В школьные годы добавились странности наяву. Однажды, когда отец снова орал на мать, Игорь, желая сбежать от шума, зажмурился изо всех сил. И вдруг шум... отдалился. Стал глухим, будто доносился из-под толщи воды.

Открыв глаза, он увидел странную дымку вокруг родителей, серую и клубящуюся, а от собственных рук исходил едва заметный свет. Испуг вернул все на место — крики ворвались в уши с новой силой. Он больше не пытался повторить это.

Но ночью контроль ослабевал. Тот случай с выходом из тела стал для него точкой невозврата. Проснувшись среди ночи, он увидел, что его рука, лежащая на одеяле, полупрозрачна. Подняв ее, он с ужасом наблюдал, как сквозь пальцы просвечивает узор на ткани. Встав, он понял, что стоит не на полу, а над ним. А в кровати, под одеялом, спал он сам. Паника была ледяной и абсолютной. Он метнулся к двери, но прошел сквозь нее, ощутив лишь ледяное покалывание во всем теле. Он растворялся, таял в воздухе, и единственной мыслью было: «Конец. Я умираю по-настоящему». Мысленный вопль о возврате — и резкий рывок, как удар током. Он вдохнул, держась за грудь, где сердце колотилось, пытаясь вырваться. В комнате было пусто, но чувство наблюдающего присутствия висело в воздухе, густое, как запах озона после грозы.

Он назвал это «управляемой галлюцинацией» и, движимый страхом и жгучим любопытством, стал пытаться воспроизвести состояние. Ложась спать, он твердил про себя: «Встать. Надо встать. Тело, спи, а я встану». Спустя недели тренировок у него получилось. Сначала это были секунды — шаг от кровати, прикосновение к стене, которая казалась плотным туманом. Потом — минута. Он вышел в коридор, увидел спящих родителей. К маме подойти не смог — его остановил невидимый барьер страха. Он понял, что боится зеркал. В призрачном состоянии они казались не поверхностью, а черными дырами, порталами, готовыми его поглотить. После каждого такого «сеанса» он просыпался разбитым, а чувство Незримого Гостя в его комнате усиливалось. Ему начало казаться, что этот Гость не просто наблюдает — он не одобряет. Словно Игорь нарушает какой-то древний, негласный закон, играя в игры, доступные лишь мертвым. Из-за этого давящего ощущения осуждения он забросил практики, решив, что сходит с ума.

Университет в большом городе стал его официальным побегом. От деревни, от скандалов, от собственной странности. Он погрузился в изучение точных наук, в логику схем и расчетов, где все было предсказуемо и подчинено законам. Инженерное дело стало его новой, более надежной крепостью, где не было места теням, снам и — что важнее — ненужным чувствам. Но и эта крепость оказалась с призраками. Первая же съемная квартира, старый «сталинский» дом с толстыми стенами, оказалась ловушкой. Ночные параличи участились. Теперь это не было просто оцепенение. Его держали. Сначала за ноги, словно холодные тиски. Он вырывался. Потом — за половину тела.

А однажды он проснулся полностью скованным, и невидимая сила стала бить его по лицу. Он чувствовал оглушительные удары, но наутро на коже не оставалось ни синяка. Краем затуманенного глаза он видел лишь стусток мрака у окна, который растворялся с его первым хриплым криком.

Потом была девочка. Он «проснулся» и увидел ее у кровати. Бледная, в старомодном платице, она молча манила его за собой. Он знал, что это сон, галлюцинация, но не мог проснуться. Она приближалась, и от нее веяло не злом, а бесконечной, всепоглощающей тоской. Ее тонкие пальцы почти коснулись его руки, когда ему удалось сжать горловые мышцы и прохрипеть: «Уйди!» Он очнулся, сидя на кровати, с уверенностью, что не спал. Его реальность треснула, и в трещину просачивался иной мир.

Работа в конструкторском бюро была каторгой. Рутинная, мелкие интриги, мизерная зарплата, уходившая на съем угла в коммуналке. Он чувствовал себя роботом, живым трупом, запертым в клетке из долгов и безысходности.

Его детская клятва «не чувствовать» обернулась ледяной пустотой внутри, от которой не было спасения даже в лесу — в городе его не было. Когда на него вышел пожилой мужчина с умными, усталыми глазами, представившийся Виктором Сергеевичем из некоего «Института прикладной парапсихологии»,

Игорь отнесся скептически. Но слова «изучение аномальных зон», «дистанционное управление» и, главное, сумма гонорара, равная пяти его годовым окладам, заставили сердце биться чаще. Это был шанс. Шанс не только вырваться из нищеты, но и, возможно, найти объяснение тому, что преследовало его всю жизнь. И, как ни парадоксально, шанс снова что-то ощутить — даже если это будет страх. Любое чувство было лучше ледяного онемения. Он подписал плотный контракт с длинным списком пунктов о неразглашении и рисках, не глядя. Ему было все равно. Он был готов на все, лишь бы перестать быть подопытным кроликом собственной жизни и наконец вырваться из плена своего же равнодушия.

Обучение было интенсивным. Его учили управлять сложным роботом-разведчиком «Ходуном» через тактильный интерфейс и VR-очки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НАЧАЛО ЭКСПЕДИЦИИ

Колеса экспедиционного вездехода расплющивали вязкую грязь грунтовой дороги, ведущей к монастырю. Я сидел в кузове рядом с ящиками оборудования, наблюдая, как сквозь ступающие сумерки проступают очертания одинокой каменной громады. Монастырь стоял на невысокой возвышенности, с одной стороны к нему подступала темнеющая роща, с другой — блестела в последних лучах река. Но страннее всего были люди, методично разбиравшие старые хозяйственные постройки и сажавшие на их месте молодые деревца. Казалось, они пытались стереть это место с лица земли, замаскировать под обычный лес.

— Зачем уничтожают строения? — спросил я у пожилого ученого по имени Виктор, возглавлявшего экспедицию.

— Официально — экологическая реабилитация территории, — ответил он, не отрывая взгляда от монастыря. — Неофициально — пытаются изгнать память.

Место это проклято. В середине прошлого века здесь проводили психологические эксперименты над заключенными и... монахами, которые отсюда не ушли. Искали пределы человеческого сознания, а нашли нечто иное.

Монастырь вблизи подавлял. Не размерами — он был невелик, — а тяжестью молчания, исходящей от темных глазниц окон. Внутри нас встретили голые стены, следы недавнего демонтажа и запах сырости, поднимающийся из-под каменных плит пола. Вход в катакомбы находился в подвале бывшей трапезной — черный квадрат в полу, откуда вела узкая лестница, исчезающая во мраке.

— Мы спустим аппаратуру, но вы, Игорь, будете работать отсюда, — Виктор указал на массивную капсулу, напоминающую спасательный модуль, установленную рядом с провалом. — Управление дистанционное, через VR-систему и тактильные манипуляторы. Ваша задача — спуститься, все заснять, составить карту и попытаться зафиксировать... аномалии.

Перед тем как я забрался в капсулу, Виктор положил руку мне на плечо.

Его лицо было серьезно.

— Исследование полностью засекречено. Никаких отчетов в открытый доступ.

И... если что-то случится, помощь не придет. Это останется здесь. Вы согласны?

Я кивнул. Риск входил в контракт. Но дальше прозвучало нечто, отчего по спине пробежал холодок.

— Мы не первые, — тихо сказал Виктор. — Была группа до нас. Они спустились вниз лично, с портативными камерами. На связь выходили неделю, передавали бессвязные данные о «тнях» и «шепотях». Потом связь прервалась. Часть их тел... мы нашли у входа. Они не пытались уйти. А остальные так и остались там, внизу. Сошли с ума. Стали частью подземелий.

Я закрыл люк капсулы. Мир сузился до мягкого кресла, панели управления и VR-очков. После щелчка запуска система ожила. Я видел уже не тесное помещение, а каменный свод над головой робота-разведчика, которого я контролировал. Его камеры передавали четкую картинку, звуковые датчики улавливали каждый шорох. Спуск по лестнице в первый ярус был похож на погружение в холодное, беззвучное море. Стены, облицованные грубым серым камнем, убегали вниз. Свет от фар робота выхватывал из тьмы арки, ниши, ответвления тоннелей. Воздух, судя по показаниям датчиков, был спертый, но пригодным для дыхания.

Первый ярус оказался лабиринтом пустых склепов и узких коридоров. Ничего необычного, кроме давящего чувства наблюдения. Я направился ко второй лестнице, более широкой и крутой.

Второй ярус открылся просторным залом. В центре зиял провал в нижние уровни, а вдоль стен шли галереи. И тут я их увидел.

На стене у массивной каменной лестницы двигались две тени. Четкие, как будто отбрасываемые невидимым источником света. Одна — высокая, женская, в длинных одеждах. Вторая — маленькая, детская. Они склонились друг к другу. Тень женщины гладила тень девочки по голове, будто успокаивая.

Беззвучный диалог длился несколько секунд. Я замер, пытаюсь включить все фильтры звука, но тишина оставалась абсолютной.

— Кто вы? — произнес я вслух в микрофон, понимая абсурдность вопроса.

Тени замерли, затем повернулись в сторону робота — точнее, в сторону его фар. На мгновение мне показалось, что я вижу не очертания, а лица, полные скорби и вопроса. А потом они просто растворились, будто их и не было. Но чувство — чувство, что в зале были не они одни, что из каждой темной арки за мной наблюдают десятки незримых глаз, — не исчезло, а только усилилось.

Я вышел из капсулы, срывая с головы очки. Воздух в трапезной показался ледяным.

— Тени, — выдохнул я, обращаясь к Виктору. — На втором ярусе. Женщина и девочка. Они... общались.

Виктор не удивился. Он лишь тяжело вздохнул.

— Остатки. Отголоски. Души — если хотите — тех, над кем экспериментировали. Заключенных, монахов... они не могут уйти. Они застряли в моменте страдания.

— Они опасны?

— Эти? Нет. Они просто... есть. Как запись на пленке. Опасны другие, — он пристально посмотрел на меня. — Феномен здесь работает на отражении.

Особенно на нижних уровнях, где концентрация пси-поля зашкаливает. Любой твой страх, любая глубинная фобия материализуются. Но не по-настоящему.

Это тень, проекция. Черный дым, принимающий форму того, чего ты боишься.

Медведя, паука, демона из детских кошмаров. Он атакует, он пытается вселить ужас. И главное правило, единственный шанс — ни на секунду не поверить, что он реален. Не признать его существование. Как только ты допускаешь мысль «оно может меня убить» — ты проиграл. Твой разум ломается, и ты остаешься там, навсегда, питая собой эти катакомбы. Так и погибла предыдущая группа. Они поверили.

Меня охватило жгучее любопытство, смешанное с вызовом.

— Покажите. Как это работает.

Виктор покачал головой.

— Это не шоу, Игорь.

— Я должен понять на практике, прежде чем спускаться дальше.

Контролируемый опыт.

Он помолчал, изучая мое лицо, затем кивнул.

— Хорошо. Только здесь, наверху, эффект слабый. Сосредоточься. Вспомни образ самого страшного для тебя зверя. Детально. Не просто название, а его клыки, запах, рев.

Я закрыл глаза. Вспомнил. Детство, таежная станция, рассказы отца о медведе-шатуне. И тот кошмар, что преследовал меня годами: черный, как сажа, медведь с горящими угольями глазами, появляющийся из-за деревьев в двух шагах, его рев, от которого стынет кровь.

Я открыл глаза — и он был там.

Из угла подвала, из самой густой тени, вырвался клубящийся черный дым.

Он сгустился в секунду, приняв форму массивного зверя. Тело было лишено деталей, будто вырезано из ночи, только глаза пылали багровым. Он издал рев — тот самый, из кошмара, низкий, раздирающий душу, — и бросился на меня.

Инстинкт кричал: «Беги!» Сердце бешено колотилось. Но я заставил себя стоять, впинаясь ногтями в ладони. «Тебя нет, — прошептал я, глядя в пустые глазницы, насквозь видя за дымовой фигурой каменную кладку стены.

— Ты плод моего страха. Ты не существуешь».

Чудовищная лапа взмахнула, чтобы ударить, и прошла сквозь меня. Не с потоком воздуха, а буквально сквозь — я почувствовал лишь ледяной укол в груди и запах озона. Рев стих, перейдя в угрожающее рычание. Тень медведя начала кружить вокруг меня, но ее очертания дрожали, расплывались.

— Ты нереален, — сказал я уже громче и увереннее. — Ты просто дым.

И он рассыпался. Буквально. Распался на клубящиеся хлопья черного пепла, которые растаяли в воздухе, не оставив и следа. В подвале снова было тихо. Только я стоял, дрожа от выброса адреналина, и Виктор наблюдал за мной с каменным лицом.

— Вот так, — произнес он без эмоций. — Там, внизу, это будет сильнее. В сотни раз. И страхов будет много, и они будут меняться. И они будут очень, очень убедительны. Готов ли ты к этому, зная, что предыдущие не справились?

Я посмотрел на черный провал в полу. Там, внизу, были тени страданий и эхо безумия. Но там же была и тайна, которую мне поручили раскрыть. Я медленно кивнул.

— Я должен спуститься, — сказал я. — И не поверить.

Возвращаясь в капсулу, я знал, что теперь моим главным врагом в глубинах катакомб будут не призраки прошлого, а мое собственное сознание. И тихий шепот из тьмы, который, я уже был уверен, будет пытаться убедить меня в обратном.

Люк капсулы закрылся с тихим шипящим звуком, отрезав меня от внешнего мира. Виртуальная реальность очков снова поглотила меня, но теперь ощущение было иным. После встречи с тенью медведя виртуальность катакомб ощущалась плотнее, почти осязаемо враждебной. Камень на экране казался холоднее, тишина в наушниках — более натянутой, полной невысказанных угроз.

«Продолжаем, Игорь. Двигайтесь к центральному провалу. Осторожно с обрывом», — голос Виктора в ушной гарнитуре был ровным, но в нем проскальзывала нить напряжения.

Робот-разведчик, продолжение моего зрения и слуха, послушно пополз вперед. Его гусеницы мягко шуршали по каменной пыли. Я снова оказался в том самом зале второго яруса, где видел тени женщины и девочки. Теперь он был пуст. Только мои фары выхватывали из мрака грубые грани арок и бездну центрального колодца, ведущего вниз.

Подъехав к краю, я навел камеры вниз. Проекторы выхватили из темноты крутую, частично обвалившуюся каменную спираль, уходящую в непроглядную черноту. Датчики зафиксировали странные колебания температуры и слабые электромагнитные импульсы, беспорядочно вспыхивающие где-то в глубине.

«Спускаемся. Включаю дополнительную стабилизацию».

Робот начал осторожный спуск по древним ступеням. С каждым витком спирали давление... не физическое, а психическое — нарастало. В ушах начал звучать едва уловимый, на грани восприятия, гул — низкий, как стон земли. Периодически на стенах мелькали быстрые тени, не оставлявшие никаких данных на тепловизоре. Они просто были. Иногда казалось, что из боковых галерей доносится шепот, но усиление звука улавливало лишь свист сквозняка в трещинах.

Третий ярус.

Здесь планировка изменилась. Узкие коридоры сменились серией небольших камер с массивными дверями, снабженными засовами снаружи. Камеры для заключенных. В некоторых на стенах сохранились царапины — не буквы, не символы, а просто хаотичные борозды, оставленные отчаявшимися пальцами.

Воздух, согласно данным, был насыщен частицами плесени и чем-то еще — органическими соединениями, характерными для сильного стресса.

«Химический след паники», — сухо прокомментировал Виктор.

Именно здесь я впервые ощутил пристальный взгляд.

Это было не чувство, а знание, внезапное и непреложное. Кто-то или что-то наблюдает за мной не просто как за незванным гостем, а с холодным, анализирующим интересом. Взгляд исходил не из одной точки, а будто со всех сторон сразу, со стен и потолка. Робот замер. Я затаил дыхание, вслушиваясь. Шепот стал отчетливее. Не слова, а обрывки мыслей, чужих и искаженных:

«...не выйти...»

«...света... где свет?..»

«...они смотрят... всегда смотрят...»

«Игорь, не концентрируйтесь на посторонних сигналах. Это фоновый шум.

Пси-эхо. Игнорируйте», — приказ Виктора прозвучал вовремя. Я встряхнулся, заставив робота двигаться дальше. Но взгляд не исчез. Он сопровождал меня.

Четвертый ярус был лабораторией.

Ржавые остатки кроватей с кожаными ремнями. Стойки для капельниц. Шкафы с битым стеклом, где когда-то хранились склянки и инструменты. И повсюду — провода, старые, толстые, спускающиеся со сводов, как лианы, и сходящиеся в центре главного зала к чудовищной конструкции. Это была капсула. Человеческого роста, с иллюминатором из толстого стекла, испещренным трещинами. К ней вели шланги и пучки кабелей. Место, где проводили главные эксперименты. Датчики робота здесь зашкаливали. Воздух вибрировал.

Именно здесь тени стали агрессивными.

Они не походили на мирные силуэты со второго уровня. Они метались по стенам, резкие, угловатые, дергающиеся. Тени людей, пытающихся вырваться, убежать, спрятаться. Они набегали на свет моих фар, искажаясь и умножаясь, заполняя пространство панической пляской. Шепот превратился в сдавленные крики, в плач. Это был хор отчаяния, записанный в самую каменную плоть катакомб.

И тогда я его увидел. Не тень на стене. Фигуру. В дальнем конце лаборатории, в арке, ведущей в следующий тоннель. Человеческий силуэт, одетый в лохмотья, похожие на монашеское облачение. Он стоял неподвижно, лицо скрывала тень капюшона. Но я чувствовал его взгляд. Тот самый, аналитический, холодный.

«Виктор, у меня визуальный контакт. Фигура в арке. Не тень, форма выглядит плотной», — быстро доложил я.

Наступила пауза. В эфире слышалось только тяжелое дыхание Виктора.

«...Будьте осторожны. Это может быть... остаток. Не приближайтесь».

Я не собирался. Но фигура сделала шаг вперед, вышла из тени арки под слабый свет от фар. Это был не призрак в классическом понимании. Его очертания дрожали, как мираж на жаре. Капюшон откинулся. Лица не было.

Вернее, оно было, но как негатив фотографии — темные впадины глаз, светлое пятно рта, растянутого в беззвучном крике или... улыбке? Он поднял руку — длинную, костлявую — и указал пальцем куда-то за меня, в сторону дальней стены лаборатории.

Инстинктивно я развернул камеры робота.

На стене, где секунду назад были лишь камни, теперь проступало изображение. Как будто камень стал экраном. Я видел другую камеру, похожую на мою капсулу, но более примитивную. В ней сидел человек, его лицо искажено ужасом, он что-то кричал, бился. А перед ним, в том же помещении, стояли люди в белых халатах, наблюдая с холодными, учеными лицами. Один из них, высокий, с проседью, был поразительно похож на...

Виктора. Только моложе.

«Что это?..» — прошептал я.

«Иллюзия, Игорь! Не смотри! Это ловушка!» — голос Виктора в наушниках прозвучал резко, почти панически.

Но было поздно. Фигура в лохмотьях издала звук — не голосом, а прямо в моем сознании, сухой, как шелест паутины: «Они никогда не уходят. Они только наблюдают. Следующая группа. Следующий материал».

И взгляд, тот самый всепроникающий взгляд, обрел источник. Он исходил не от фигуры. Он исходил сверху. Сквозь толщи камня. С наблюдательного пункта. От Виктора и его людей. Взгляд ученого на подопытном.

Паника, холодная и тошнотворная, подкатила к горлу. Они прислали меня не для изучения аномалии. Они изучали меня. Мои реакции на аномалию. Я был следующим в длинной череде «добровольцев».

В этот миг катакомбы ответили на мой вспыхнувший, животный страх. Не о призраках. О предательстве. О ловушке.

Из-за всех щелей, из-под обломков, из самой темноты хлынул черный дым.

Он сгущался не в образы зверей, а в знакомые очертания. Тени людей в белых халатах с безликими лицами. Тень капсулы, из которой тянулись щупальца проводов. И они двигались ко мне, к моему роботу, беззвучно, неотвратно.

«Виктор!» — крикнул я в микрофон. — «Что происходит?!»

Ответа не было. Только шум в эфире, переходящий в навязчивый, гипнотизирующий гул. А потом голос, но это был уже не Виктор. Это был тот же сухой, безжизненный шепот, что звучал в моей голове, но теперь он вел трансляцию прямо в наушники:

«Объект демонстрирует когнитивную гибкость. Страх сместился с паранормального на социально-обусловленный. Интересно. Продолжаем наблюдение. Стимуляция увеличена».

Тени «ученых» из дыма почти накрыли робота. Их безликие «лица» склонились над камерами. Я хотел закричать, что это нереально, но слова застряли. Потому что часть этого была реальной. Предательство было реальным. Капсула наверху была реальной. Виктор был реален.

И катакомбы, чувствуя эту брешь в моей уверенности, эту трещину в вере, ринулись в нее. Гул стал оглушительным. Стены заплясали. Тени смешались в кошмарный калейдоскоп. Фигура в лохмотьях приблизилась, ее палец теперь был направлен прямо в объектив, прямо на меня.

«Оставайся. Стань данными. Стань частью правды».

Мой разум, сжатый в тисках ужаса и ярости, искал точку опоры. И нашел ее. Не в отрицании страха, а в его принятии. Да, я боюсь. Боюсь ловушки, предательства, стать экспериментом. Но этот страх — мой. А значит, и сила, стоящая за этими иллюзиями, тоже питается мной.

Я перестал бороться с паникой. Вместо этого я сфокусировался на ней. На своей ярости. На желании выжить не для их отчетов, а для себя. Чтобы выйти и посмотреть в глаза Виктору.

Я послал роботу команду не на отступление, а на движение вперед. Прямо сквозь сгущающиеся тени, прямо к фигуре в лохмотьях.

«Я не ваши данные, — прошипел я, не зная, в микрофон или в пространство катакомб. — Я ухожу. И я все расскажу».

Фигура дрогнула. Направленный на меня палец начал расплываться. Тени «ученых» заколебались. Иллюзия, подпитываемая моим страхом быть обманутым, стала терять силу, когда я принял этот обман как факт и решил действовать вопреки.

В этот момент связь резко оборвалась. Изображение в очках пропало, сменившись надписью «SIGNAL LOST». Но последней командой, которую я успел отправить, был импульс на все вспомогательные системы робота — ослепительная вспышка всех фар и аварийных прожекторов с одновременным пискосигналом на максимальной громкости.

В тишине капсулы, в полной темноте и тишине, я сидел, обливаясь холодным потом, и слушал стук собственного сердца. Они отключили связь. Значит, я был прав.

Прошло десять минут, которые показались вечностью. Потом люк с шипением открылся. В проеме стоял Виктор. Его лицо было бледным и непроницаемым.

За ним виднелись другие члены экспедиции, их взгляды были отведены в сторону.

— Сеанс связи прервался из-за аномального всплеска, — сухо сказал он. — Вы справились?

Я медленно снял очки и посмотрел ему прямо в глаза. В них не было ни тени того холодного ученого с «записи» на стене. Но было что-то другое — настороженность, ожидание.

— Справился, — мой голос прозвучал хрипло, но твердо. — Получил крайне интересные данные. Особенно о природе наблюдателей. Думаю, нам стоит обсудить это перед составлением отчета. Все. До последней детали.

Я видел, как чуть дрогнула его челюсть. В воздухе повисло тяжелое молчание. Катакомбы под нами хранили свое молчание. Но теперь я знал, что оно лживо. И что самая страшная тень в этих стенах — не из прошлого. Она может отбрасываться и тем, кто стоит наверху, при свете дня.

Виктор медленно кивнул. «Конечно. Обсудим».

Я выбрался из капсулы. Мои ноги немного дрожали, но я стоял прямо.

Экспедиция была далека от завершения. Но теперь поле битвы изменилось.

Игроки тоже. И первое, что мне предстояло выяснить — на чьей я в этой игре стороне. И как глубоко в самом деле простираются эти проклятые катакомбы. Возможно, их верхний ярус — не монастырь, а научный лагерь над ним. И самый нижний — еще впереди.

Создавалось полное ощущение присутствия. «Ваша задача — стать его глазами и руками там, где человеку быть нельзя», — говорил Виктор.

Игорь ловил на себе его изучающий взгляд — не враждебный, но оценивающий, как инженер смотрит на новый прибор. Что-то шелкало внутри: этот взгляд был до боли знаком. Так смотрел на него Незримый Гость из детства. И так он сам научился смотреть на мир.

И вот он здесь. На пороге того, что, как он интуитивно чувствовал, и было Источником. Местом, куда тянулись все нити его странной жизни, местом, которое, возможно, было способно разбить его ледяную скорлупу — либо окончательно похоронить его в ней.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗАПИСИ В КАМНЕ

Все началось не с экспериментов, а с веры. И с тишины.

Монастырь Святого Иова Многострадального стоял на излучине реки три столетия. Не богатый, не известный, он был местом уединенной молитвы и тяжелого труда. Монахи жили в зданиях над землей, но молились и хоронили братьев — в катакомбах под ней. Два яруса склепов и келий-пещер, вырубленных в плотном суглинке и облицованных камнем. Там было прохладно летом и не так холодно зимой. Там царил покой, нарушаемый лишь шепотом молитв и мерным капаньем воды. Там, как верили иноки, было ближе к Богу.

До 1947 года.

После войны страна залечивала раны и искала новые инструменты для укрепления мощи. В том числе — инструменты контроля над разумом. Одна из закрытых лабораторий Министерства Государственной Безопасности, занимавшаяся «спецвоздействиями», искала идеальный полигон.

Изолированный, с подземными помещениями, вдали от глаз. Монастырь Святого Иова подходил идеально. Его «упразднили» одним росчерком пера в документах. Часть монахов, самых старых и непреклонных, расстреляли на берегу реки, выдав за «банду дезертиров». Остальных — молодых, сломленных — оставили. Им была отведена роль первой контрольной группы.

Руководил операцией на месте майор Глеб Сергеевич Воронов, ученый-прагматик с глазами цвета промерзшего льда. Он видел в монахах не людей, а уникальный материал: мужчин, годами тренировавших волю и сознание в молитве и аскезе. Идеальных субъектов для испытания порога психической устойчивости.

Верхние помещения монастыря превратили в казармы для охраны и кабинеты исследователей. В трапезной установили аппаратуру для энцефалографии и кардиомониторинга — примитивную, на лампах и проводах. А катакомбы стали главной лабораторией.

Первый этап. Изоляция и сенсорный голод.

Началось «мягко». Монахам, а позже и первой партии заключенных (политических, «изменников родины»), заводили глаза и уши ватой и повязками, надевали на руки грубые варежки, спускали в отдельные кельи на втором ярусе. Пищу подавали безвкусную, кашеобразную. Задача — изучить, как долго сознание сохраняет целостность в полной темноте и тишине. Как рождаются галлюцинации.

Иноки держались дольше. Они молились. Шептали знакомые тексты, перебирали четки в варежках. Но даже железная вера давала трещину. Брат Михаил, бывший инженер, на третий день начал кричать, что стены дышат и шепчут ему сатанинские псалмы. Брат Паисий, юный послушник, плакал, уверяя, что видит в темноте лица расстрелянных старцев.

Данные аккуратно записывались. Воронов был доволен: «Религиозный конструкт рушится под давлением базовой нейрофизиологии. Первичные страхи архаичнее догматов».

Второй этап. Акустическое воздействие.

В катакомбы провели динамики. Не для музыки, а для звука. Инфразвук, вызывающий необъяснимую тревогу. Ультразвук, создающий чувство давления в висках. И голоса. Записанные на пленку и нарезанные обрывки молитв, признаний других испытуемых, детского плача, скрипа дверей, ударов сердца. Эти звуки проигрывались в случайном порядке, на грани слышимости, создавая параноидальную звуковую картину.

Именно тогда в катакомбах начали появляться первые «незапланированные феномены». Охранники, дежурившие у входа в подвал, отказывались спускаться в одиночку, жалуясь на «ощущение присутствия». На пленках автономных рекордеров, оставленных в пустых коридорах, стали фиксироваться посторонние шумы — шаги, вздохи, шепот — когда там никого не

было. Ученые списали это на самовнушение и акустические аномалии помещений. Но простые солдаты шептались о «проклятом месте».

Третий этап. Фармакология и гипноз.

Тем, кто не сломался, начали добавлять в пищу лизергиновую кислоту и другие психоделики, только что появившиеся в арсенале западных и советских спецслужб. В сочетании с гипнотическим внушением в состоянии измененного сознания это давало чудовищные результаты. Испытуемых убеждали, что они видят Бога, или, наоборот, демонов, что стены тают, а время течет вспять.

Один из заключенных, бывший философ, после инъекции мескалина провел шесть часов, неподвижно глядя в угол кельи. На вопрос, что он видит, ответил спокойно: «Вечность. Она черная и пустая. И она смотрит на нас.

Она всегда здесь была, под этим местом. Вы ее разбудили».

Его отчет подшили к делу с грифом «бредовая симптоматика». Но в ту же ночь двое охранников, спустившиеся за ним, сошли с ума. Один бился головой о стену, выкрикивая, что «лица в камне шевелятся». Другой застрелился, не оставив записки.

Четвертый этап. Камера №7.

К 1951 году программа вышла на новый уровень. Воронов добился поставки уникального оборудования из немецких лабораторий, захваченных в качестве трофеев. В центре зала на четвертом ярусе, в бывшей общей усыпальнице, установили ту самую капсулу. Цилиндр из толстой стали и бронестекла, опутанный датчиками, проводами для снятия биометрии и системами подачи газовых смесей.

В нее помещали самого стойкого испытуемого. Чаще всего — монаха, чья воля еще не была полностью сломлена. И начинался «Диалог с Бездной». На испытуемого воздействовали всем арсеналом сразу: световыми вспышками, синтезированным инфразвуком, психоделиками, вводимыми внутривенно, и гипнотическими текстами, которые начитывал через динамик сам Воронов.

Идея была в том, чтобы довести сознание до точки «нуля», полного стирания личности, а затем попытаться «записать» на это чистое «я» новые, нужные установки.

Именно в Камере №7 катакомбы окончательно «проснулись».

Первым «успешным» субъектом стал иеромонах Рафаил, человек могучего здоровья и глубочайшей, не показной веры. Он продержался в капсуле семь суток. На восьмые датчики зафиксировали необъяснимый всплеск мозговой активности на фоне клинической смерти тела. А когда капсулу вскрыли, Рафаил был жив. Его глаза были открыты, в них не было ни страха, ни безумия. Только бесконечная, всепонимающая скорбь. Он обвел взглядом ученых и охранников и тихо сказал:

«Вы не ломаете нас. Вы кормите ими Голод. Он был здесь до нас. Он спал в камне. Теперь он видит сны. И его сны... становятся реальнее вашей правды».

После этого Рафаил впал в кататонию. Но его слова оказались пророческими. Феномены участились и усилились. Тени на стенах теперь двигались сами по себе, без источника света. В записях автономных рекордеров появлялись целые фразы на языках, которых не знали испытуемые. Температура в отдельных коридорах падала до нуля, хотя вентиляция не работала. А самое страшное — начали проявляться «эхо».

Испытуемые, особенно те, кто побывал в Камере №7, начали видеть не только свои галлюцинации, но и фрагменты воспоминаний, страхов, боли друг друга. Прошлые мучения вплетались в настоящие, создавая коллективный кошмар. Умерший в агонии заключенный мог «явиться» другому в виде пугающей, но четкой тени. Страх одного становился призраком для всех.

Воронов был в восторге. Он считал, что наконец-то вышел на регистрацию прямого пси-поля, «эффекта телепатического резонанса в условиях экстремального стресса». Он приказал усиливать воздействие.

Последний эксперимент. Слияние.

К 1953 году проект получил кодовое название «Хор». Цель — создать искусственно вызванный, управляемый коллективный психоз. Группу из пяти монахов и трех заключенных, прошедших все этапы, поместили в смежные камеры третьего яруса, убрав перегородки. На них одновременно воздействовали одинаковым комплексом стимулов.

Что произошло дальше, известно лишь из отрывочных записей в журнале наблюдений и из немногих выживших свидетельств охранников.

Люди в камерах сначала закричали. Потом внезапно замолчали. Затем они начали двигаться и говорить абсолютно синхронно, как марионетки, управляемые одной волей. Их голоса слились в тот самый низкий, монотонный гул, который позже будет улавливать аппаратура Виктора. Они повернулись лицом к наблюдательной бойнице и, глядя пустыми глазами на Воронова, произнесли хором:

«ТЕПЕРЬ МЫ ВИДИМ ТЕБЯ. ТЕПЕРЬ ТЫ В НАС. ТЫ СТАНЕШЬ НОВОЙ ПЕСНЕЙ ДЛЯ ГОЛОДА».

В тот момент в катакомбах погас свет. Резервные генераторы не сработали. В полной темноте раздались крики — не испытуемых, а ученых и охранников. Кто-то стрелял, кто-то бежал, натываясь на стены. Когда через два часа свет дали аварийные фонари, картина была ужасна. Часть охраны была мертва — с лицами, застывшими в немом ужасе, без видимых ран.

Испытуемые из «Хора» исчезли. Их так и не нашли.

А Воронов сидел в своем кабинете наверху. Он был жив. Но его взгляд был устремлен в пустоту. Он непрерывно что-то чертил на листах бумаги — сложные геометрические фигуры, переплетенные с обрывками фраз на латыни и древнерусском, которых он не знал. Он бормотал: «Оно не в них... Оно между ними... в самом страхе... пустота, которая смотрит...».

Проект был немедленно свернут. Катакомбы запечатали взрывами на нижних уровнях, вход в трапезной забетонировали. Воронова вывезли в Москву, где он через месяц покончил с собой в палате спецгоспиталя, выцарапав на стене те же фигуры, что и в своих чертежах.

Но катакомбы не забыли. Они сохранили все. Каждую секунду страха, каждую каплю отчаяния, каждый обрывок сломанного сознания. Они стали магнитофонной лентой, записанной на камень и пустоту, и продолжали медленно, неумолимо проигрывать свою запись. Они кормили «Голод», сущность, которая, возможно, и была лишь метафорой, а возможно — чем-то гораздо более древним и страшным, что дремало в глубине пород и было разбужено адскими экспериментами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.